

УДК 008(009)

DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-126-131

Культурология как специальность, привычка и стиль жизни

Л. А. Якушева^{✉1}

¹ Вологодский государственный университет, 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Для цитирования:

Якушева, Л. А.
(2020) Культурология как специальность, привычка и стиль жизни. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 126–131. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-126-131

Получена 31 января 2020; прошла рецензирование 19 апреля 2020; принята 19 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Культурология: научное направление или стиль жизни, феноменология или дискурс? В данной публикации автор, приняв позицию наблюдателя со стороны, рассматривает культурологию как интеллектуальную процедуру со своими особенностями, задачами и кругом проблем, следуя за парадоксальным заявлением В. М. Розина о том, что он понял, что такое культурология, когда написал учебник по этой дисциплине. В центре внимания автора публикации оказываются основные исходные позиции и потенциал культуролога. Также определена специфика отбора материалов и текстов, отличающая культурологов от литературоведов, историков, журналистов и других гуманитариев, в поле зрения которых оказываются феномены культуры; заявлен методологический каркас, который использует исследователь, определены границы проблемного поля культурологии как научного знания и инновационного ресурса.

На примере «вологодского текста» автор определяет, из чего складывается описание культурного ландшафта современной провинции. В статье названы бренды, которые официально используются для маркирования Вологодчины как территории («Душа Русского Севера», родина Деда Мороза, вологодского масла и кружева), а также культурные проекты, находящиеся на стадии разработки. Особое внимание уделено персоналистской позиции культуролога — рефлексизирующего, откликающегося, воспроизводящего и созидającego субъекта. Поэтому город предстает как череда лиц и судеб, мифов актуальных и исторических, реальных историй и их интерпретаций. Тем самым вырисовывается один из основных принципов исследователя современной эпохи итогов и эпилогии — рассмотрение фона и фигуры, текста и его контекста.

Одним из опытов реализации такой позиции, представленным в статье, является присутствие культуролога в сети Интернет и ведение собственного блога. Наступает время короткого, емкого высказывания и моментального отклика. Автор статьи настаивает, что только постоянно анализируя культурные проекты, откликаясь на вызовы времени, можно стать настоящим культурологом.

Статья ориентирована на тех, кто преподает основы культурологии, сталкивается с проблемой краткого обоснования проблемного поля культурологии как учебной дисциплины, делает первые шаги в науку.

Ключевые слова: культурология, культурологическое исследование, вологодский текст, провинциальная культура.

The cultural studies: A profession, a habit and a lifestyle

L. A. Yakusheva✉¹

¹ Vologda State University, 15 Lenin Str., Vologda 160000, Russia

For citation:

Yakusheva, L. A.
(2020) The cultural studies:
A profession, a habit and a lifestyle.
*Journal of Integrative Cultural
Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 126–131.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-126-131

Received 31 January 2020;
reviewed 19 April 2020;
accepted 19 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. Culturology: is this a science or a lifestyle, a phenomenology or a discourse? The author of this article takes a role of a distant observer and considers cultural studies as an intellectual process with its own features, tasks and a range of issues. The author shares the paradoxical view of V. M. Rosin who realized the meaning of this science after writing a book on this discipline. The article focuses on the main aspects of cultural studies and the scope of capabilities of cultural scientists. The article explains the selection of materials and texts that distinguish a culturologist from literary critics, historians, journalists, and other liberal arts professionals who deal with cultural phenomena. The article also explains the methodology used in the study and sets out the framework for cultural studies.

The analysis of the “Vologda text” allowed to identify the structure of the description of a provincial cultural landscape. The article focuses on some potential cultural projects as well as the brands officially used as a marker of the Vologda region, such as “The Russian North’s Soul”, the homeland of the Father Frost, Vologda’s butter and lace. Special attention is given to the personalistic view on the culturologist as a reflecting, responsive and creative actor. The city is presented as a set of persons and their fates, contemporary and past myths, real stories and their interpretations. Thus, we see the most important principles for the researchers of the “modern age of outcomes”, i. e. attention to the figures and the background, the text and the context.

In practice, culturologists implement these principals through the use of Internet and blogging. The author insists that today, in the age of concise and pithy texts, the top priority of a culturologist is to analyze cultural projects and respond to the challenges of our time. This is the only way one can become a true culturologist.

The article focuses on those who teach the basics of cultural studies and face the challenge of explaining a range of issues in cultural studies as an educational subject to those who are making their first steps in this field.

Keywords: cultural studies, cultural research, culturology, Vologda text, provincial culture.

Еще несколько лет назад меня часто спрашивали о том, кто такой культуролог и чем он занимается. Казалось бы, споры о культурологии как научном направлении улеглись еще в начале нулевых, однако, встречаясь с новыми поколениями студентов, начиная семестр или статью, я возвращаюсь к этому вопросу снова и снова. Существует 5 основных точек зрения на верификацию культурологии как научного направления. Это — 1) часть философии; 2) междисциплинарная наука (комплексное знание); 3) свалка гуманитаристики (нет такой науки); 4) самостоятельная дисциплина; 5) дискурс рассмотрения явлений и феноменов культуры. На практике же получается, что, только попробовав осмыслить явление или написав текст, можно ощутить неуловимую грань между разными научными направлениями, которые изучают мир человеческой культуры. Целепо-

лагание культурологических дисциплин в этом случае видится как возможность «погрузиться в реальность культурологической работы (почувствовать эту реальность) и вооружить его (преподавателя, студента. — Л. Я.) средствами для ориентации и деятельности в этой реальности» (Розин 2003, 3).

Литературоведы, прежде всего, обращаются к ценностным вершинам, отождествляемым с классикой, историки — к задокументированной реальности, журналисты и вовсе мультиверсивны (априори существуют в разнородных информационных полях). Культуролог стремится зафиксировать феномен в его бытовании и контекстных перипетиях. Подобные интеллектуальные задачи могут ставить и другие гуманитарии, но в этом случае они имеют дело с культурологической проблематизацией материала.

В целом же культурологии свойственны следующие качества: антропоцентричность, междисциплинарный плюрализм, гипотетичность, тяготение к моделированию, реконструированию и экспертированию явлений и текстов культуры.

Культуролог отражает и аккумулирует основные тенденции современной гуманитаристики, направленные на изучение мира человека с позиции онтологических оснований его жизнедеятельности — свободы, выбора, ответственности, страха, любви, смерти и т. п. Ответы на вызовы времени и обстоятельств, личностно-мотивационный выбор поступков и деяний становятся условиями существования культуры и мерой человеческого в человеке. Поэтому один из посылов культурологического исследования — рассмотрение тех проектов, которые не просто стоят в ряду прочих, но преобразуют вокруг себя креативное творческое пространство, которые запускают механизмы, актуализируют наиболее важное и значимое, меняя восприятие и отношение к происходящему.

Второе исходное положение исследователя определяется горизонтами персоналистской парадигмы, поскольку в центре внимания культуролога, как правило, оказывается творческая личность (писателя, режиссера, учителя, художника), призванная к бытию в конкретных социокультурных условиях, существующая в культуре и культуру созидаящая.

Третья позиция, как правило, направлена на выявление кросскультурного взаимодействия и взаимопроникновения провинциального и столичного, элитарного и массового, частного и общего. В целом же можно констатировать, что «энтелехия культуры реализуется как опережающая исторические и социальные возможности воля к глобальному синтезу. Но реализуется этот синтез прежде всего сугубо персонально, в личностном опыте и ментальном, интеллектуальном становлении» (цит. по: Якушева 2019, 154).

Например, живя в провинции и откликаясь на происходящие в ее мире современные события, исследуя (реконструируя, моделируя) культурный ландшафт, культуролог основывается на трех основных методологических подходах: историко-типологическом, семиотическом и герменевтическом. Историко-типологический подход становится почвой для обстоятельного разговора о провинции как историческом феномене, выявления тенденций в сфере ее социокультурной, художественной и повседневной жизни. Все это интересно и само по себе, и как

часть физиогномики города и его среды. Физиогномический метод к рассмотрению текстов культуры предложил когда-то немецкий философ О. Шпенглер, считавший, что восприятие типа культуры зависит от понимания конкретных символов культуры, восприятия пространства и времени культуры: «По разбросанным деталям орнаментики, архитектурного стиля, письма, по отдельным данным политического, хозяйственного, религиозного характера можно восстановить органические основные черты исторической картины целых столетий» (Шпенглер 1993, 272).

О «культурном лице» города рассуждал некогда и известный вологодский искусствовед М. Ш. Бонфельд, утверждая, что оно «формируется благодаря совокупности всех факторов и событий городского поселения». Это лицо «служит показателем общего состояния культуры; его изменения чутко реагируют на перемены в общественной жизни; всматриваясь в его черты, можно многое понять в тектонических сдвигах, которые происходят в почвенном и подпочвенном слое нашего бытия» (Бонфельд 2002, 197).

Тем самым при сопоставлении явлений прошлого и настоящего актуализируются ресурсы мифокритики и истории памяти, посредством которых раскрывается мифообраз провинциального города, закладывается база понимания *места* как специфического места памяти (Злотникова, Дидковская 2010).

Современный человек живет в мире знаков, символов и мифов, которые в определенных условиях становятся реальностью. Отечественные философы-персоналисты — М. М. Бахтин, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко — писали о «встрече» реальности в знаке, о мире, раскрываемом через человека самому себе; о выстраивании внешнего посредством феноменологического, символического. Эта взаимообусловленность субъектно-объектных отношений была зафиксирована современным философом Г. Тульчинским в виде парадоксального вопроса: «Готовы ли мы жить в мире, где реальность имеет множественное число; в мире, который, чтобы выжить, должен себя придумать?» (Тульчинский 2012, 26).

Так, например, в современном информационном пространстве Вологда имеет несколько официальных статусных характеристик. Например, это один из самых древних городов Северо-Запада России, крупный транспортный узел в европейской части России. Есть «маркеры», которые находятся в разработке: Вологодчина — родина Деда Мороза, Вологда — культурная

столица Русского Севера, «душа Русского Севера». В эпоху модернизма рубежа XIX–XX вв. в Вологде были успешно реализованы как минимум три проекта: Вологда — место производства вологодского масла и кружева (в настоящее время это — основные брендовые продукты Вологодчины), она же — «несостоявшаяся столица». Каждый вологжанин знает фольклорную легенду, что при строительстве Софийского собора в XVI веке на Ивана Грозного упал не то кусок плинфы, не то часть штукатурки — условный кирпич, — и царь уехал, благодаря чему Вологда не стала столицей опричнины. Любопытно, что при входе в храмовой росписи действительно зияет черное пятно. По утверждению известного реставратора собора, доктора искусствоведения А. А. Рыбакова, роспись там отсутствовала изначально. То есть уже через 100 лет после закладки собора, в XVII веке, эта легенда бытовала, была зафиксирована, художественно осмыслена и воспроизводилась с каждым последующим поколением.

К наиболее очевидным и уже состоявшимся неомодернистским художественным проектам нового рубежа, периода XX–XXI вв., можно отнести:

- «палисадничность» Вологды (Палисадники являются ландшафтной деталью южных городов, но благодаря известности песни «Вологда» Б. Мокроусова и М. Матусовского в городе начали создавать и культивировать палисадники);
- реализацию мифологемы «Вологда — дипломатическая столица» (речь идет о событиях первой половины 1918 года, когда из Петрограда в Вологду переместился дипломатический корпус. Автор проекта «Дипломатический корпус», частного музея, коллекции экспонатов того времени и серии романов на данную тематику — историк А. В. Быков);
- ландшафтный театральный фестиваль «Голоса истории» (театральный фестиваль проводится с 1991 года по настоящее время, а его главной сценой является Вологодский Кремль);
- организацию в Печаткино (город Сокол, 46 км от Вологды) «Цветавских костров» как части всероссийской акции (с 2015 года), вместе с усилиями инициативной группы (возглавляет ее к. ф. н. Е. В. Титова) по созданию дома-музея Анастасии Цветаевой;
- некоторые другие брендинговые акции, как, например, провозглашение академиком живописи В. Корбакова (1922–2013)

«вологодским Ван Гогом» (экспрессивность манеры исполнения работ и мотивы французского импрессионизма второй половины XIX века неоднократно отмечались профессионалами и любителями живописи в творчестве вологжанина).

Успешность продвижения и трансляция этих текстов культуры (где «*текст культуры* — это любой по форме, технологиям и целям исполнения результат креативного акта (акта творчества), имеющий отождествляемые социально-культурные последствия своего проявления — использование, распространение, обсуждение, подражание и т. д.» (Фадеева, Сулимов 2011, 425)), становятся импульсом поиска идей, которые могли бы стать основанием социокультурного семиозиса современной Вологды. Как отмечает литературный критик и известный блогер Е. А. Ермолин, «было бы странно, если б современная, сугубо рефлексивная эпоха, эпоха итогов и эпилогической меланхолии, не предъявляла бы опытов научного осмысления и изъяснения того ментального парадокса, который образовал самобытную культурную матрицу и в каком-то смысле обернулся пароксизмом исторической судьбы» (цит. по: Якушева 2019, 154).

Со временем для исследователя-гуманитария культурология становится привычкой, являя собой результат интеллектуального экзистенциального опыта человека, живущего в культуре, изучающего ее феномены и создающего новые культурные смыслы в режиме *non-stop*. Поэтому к текстам, «воспитывающим» культуролога, создающим культурологический дискурс, мы относим формат интернет-блогинга, ведение дневниковых записей в виде постов в социальных сетях. «Лет десять тому назад в социальных сетях интернета открылось для литератора новое окно творческих возможностей. С тех пор его авторский проект все более очевидно тяготеет к тому, чтобы принять форму блогинга» (Ермолин 2018, 6).

В таких текстах могут отражаться факты конкретной биографии отдельных людей — вот прочитан роман, вот состоялась какая-то встреча, отозвался событием фильм или спектакль; этикие путешествия, в том числе и интеллектуальные — во времени и пространстве. Поэтому фиксация объективных особенностей произведений и арт-акций в данном случае может соседствовать с непрерывным потоком субъективного означивания ситуаций, фактов, обстоятельств, проживаемых событий.

С другой стороны, в таких зарисовках вологжан легко можно усмотреть некий преце-

дентный «вологодский текст», создаваемый и определяемый самими жителями. Сюда входят обыденные названия памятников, районов, старые названия улиц, бывшие предназначения домов. Увидеть такие примеры можно в группах социальной сети «ВКонтакте» «Хранители Вологды» (Хранители Вологды), «Старая Вологда» (Старая Вологда ***), на интернет-страницах музейных объединений.

Важной составляющей блогинга является и фиксация событий самими вологжанами. Так, в текстах френдлент, обсуждениях и постах остаются зафиксированными взгляды, вкусы, предпочтения горожан, их реакции на происходящее. Подобного рода интернет-дневник является частью и представленной в списке литературы монографии (Якушева 2019). Нужен ли в этом случае читатель? И да, и нет. В лучшем случае, такие тексты могут послужить провокаций для порождения новых/других текстов

или изучения уже состоявшихся. Такими высказываниями нельзя пресытиться, их не может быть слишком много — например, провинциальный житель и так слишком робок. Он осторожен, неспешен и апассионарен, а жизнь — тороплива и изменчива. Мне часто приходилось слышать, что в Вологде нет художественной критики, нет тех, кто пишет о театре, нет науки... Когда-то на кандидатском экзамене член комиссии удивился и резюмировал: «Вы хотите писать о театре? Но ведь у вас там, поди, и театров-то нет...» Оставляю за скобками культурный уровень подобных высказываний, отметив их как пример внешних препятствий подобной творческой работе. Бесспорно, что внутренних сомнений, преодолений всегда в разы больше. Но ведь с чего-то нужно начинать? И тогда, быть может, состоится — разговор, исследование, книга. А в конечном итоге и сам культуролог — как личность в горизонте своего времени.

Источники

Старая Вологда ***. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club17191997> (дата обращения 30.01.2020).
Хранители Вологды. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/gdepalisad> (дата обращения 30.01.2020).

Литература

- Бонфельд, М. Ш. (2002) Музыкальная журналистика в контексте городской культуры. В кн.: Г. В. Судаков (ред.). *Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен: сборник статей*. Вологда: Книжное наследие, с. 197–200.
- Ермолин, Е. А. (2018) *Экзистанс и мультиавторство: Происхождение и сущность литературного блогинга*. Б. м.: Издательские решения, 202 с.
- Злотникова, Т. С., Дидковская, Н. А. (ред.). (2010) *Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный ситком (сборник научных трудов)*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 173 с.
- Розин, В. М. (2003) *Культурология*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 462 с.
- Тульчинский, Г. Л. (2012) Вещь, тело и смысл: семиозис как онтофания свободы. В кн.: И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов (ред.). *Семиозис и культура: лабиринты смысла*. Сыктывкар: Коми пединститут, с. 9–27.
- Фадеева, И. Е., Сулимов, В. А. (2011) Национальный семиозис и современная русская культура. *Международный литературно-культурологический альманах «История совести»*, № 3–4, с. 425–428.
- Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль, 666 с.
- Якушева, Л. А. (2019) *Фон и фигура: провинциальные сюжеты*. Вологда: ВоГУ, 159 с.

Sources

- Khraniteli Vologdy [Guardians of Vologda]*. [Online]. Available at: <https://vk.com/gdepalisad> (accessed 30.01.2020). (In Russian)
- Staraya Vologda *** [Old Vologda ***]*. [Online]. Available at: <https://vk.com/club17191997> (accessed 30.01.2020). (In Russian)

References

- Bonfel'd, M. Sh. (2002) Muzykal'naya zhurnalistika v kontekste gorodskoj kul'tury [Music journalism in the context of urban culture]. In: G. V. Sudakov (ed.). *Russkaya kul'tura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sotsiokul'turnyj fenomen: sbornik statej [Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a socio-cultural phenomenon: Collection of articles]*. Vologda: Knizhnoe nasledie Publ., pp. 197–200. (In Russian)
- Ermolin, E. A. (2018) *Ekzistans i mul'tiavtorstvo: Proiskhozhdenie i sushchnost' literaturnogo bloginga [Existence and multi-authorship: The origin and essence of literary blogging]*. S. p.: Izdatel'skie resheniya Publ., 202 p. (In Russian)

- Fadeeva, I. E., Sulimov, V. A. (2011) Natsional'nyj semiozis i sovremennaya russkaya kul'tura [National semiosis and modern Russian culture]. *Mezhdunarodnyj literaturno-kul'turologicheskij al'manakh "Istoriya sovesti" — International Miscellaneous Anthology of Literature and Culture "History of Conscience"*, no. 3–4, pp. 425–428. (In Russian)
- Rozin, V. M. (2003) *Kul'turologiya [Cultural studies]*. 2nd ed. Moscow: Gardariki Publ., 462 p. (In Russian)
- Spengler, O. (1993) *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Moscow: Mysl' Publ., 666 p. (In Russian)
- Tul'chinskij, G. L. (2012) Veshch', telo i smysl: semiozis kak ontofaniya svobody [Thing, body, and meaning: Semiosis as the ontophany of freedom]. In: I. E. Fadeeva, V. A. Sulimov (eds.). *Semiozis i kul'tura: labirinty smysla [Semiosis and culture: Mazes of meaning]*. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Publ., pp. 9–27. (In Russian)
- Yakusheva, L. A. (2019) *Fon i figura: provintsial'nye syuzhety [Background and figure: Provincial subjects]*. Vologda: Vologda State University Publ., 159 p. (In Russian)
- Zlotnikova, T. S., Didkovskaya, N. A. (eds.). (2010) *Istoricheskij gorod v aspekte natsional'noj mental'nosti: nauchnyj sitkom (sbornik nauchnykh trudov) [Historical city in the aspect of national mentality: Scientific sitcom (collection of scientific works)]*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 170 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Людмила Алентиновна Якушева, e-mail: yla03@yandex.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета

Author

Liudmila A. Yakusheva, e-mail: yla03@yandex.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Theory, History of Culture and Ethnology, Vologda State University